
1894

15 марта. Среди профессоров и студентов возникла мысль хлопотать о обновлении студенческого научно-литературного общества, уничтоженного в 1888 г., после 1 марта¹. С.Ф., Гревс, Введенский и др. собрались недавно у Форстена и предложили студентам выбрать председателя общества, если это общество возродится. Студенты (все это происходило у Форстена), после горячих пререканий (кажется, состоявших в том, что большинство резко восстало против предложенного кем-то в председатели Кареева), выбрали председателем Лаппо-Данилевского. На другой день С.Ф., Введенский и Л[а]п[по]-Дан[илевский] просили ректора содействовать возрождению общества. Ректор обещал свое сочувствие и содействие, но что из этого выйдет, неизвестно². Интересно, что Кареев, узнав о выборе Л[а]п[по]-Дан[илевско]го в председатели, перестал с ним разговаривать. Вот странное честолюбие или крайняя мелочность!

Публичные лекции «старых» профессоров в пользу нашего общества начались; читали: Веселовский (А[лександр] Н[иколаевич]), оба Бекетовы и Фаминцын. С.Ф. будет читать о взглядах на Иоанна Грозного в ист[орической] литературе. Карееву не разрешена его лекция «Роль личности в истории», о чем фон Валь краткой бумагой известил Кулина. Не понимаю, за что это: говорят, на том основании, что он на эту тему уже наболтал какого-то либерального вздору в Москве, тоже в пользу чего-то³. Впрочем, вообще он, вероятно, в глазах Валя и ему подобных, за эту зиму совершил много проступков против благонадежности: читал в своем Ист[орическом] общ[естве] доклад (правда, несочувственный) о книге Лория⁴, за статью о которой «Русской мысли» дали предостережение⁵. Затем, ввел в комитет своего общества В[асилия] И[вановича] Семевского и Мякотина⁶. Кроме того, 8 февраля на юбилейном университетском обеде и вечером произносил какие-то речи, текст которых от него, как и от Гревса, потребовала полиция⁷. Напечатал в «Русской жизни» открытое письмо к учащейся молодежи⁸ – но все это, по-моему, отзывается у него такой глупой болтовней и празднословием, что я даже удивляюсь, как можно придавать этому какое-нибудь значение, тем более что никаким престижем в глазах молодежи он не пользуется.

На курсах по поводу 19 февраля разыгралась глупая история: еще до 19-го начались сходки и агитация с тем, чтобы 19-го не приходиться на лекции.

Профессоров, которые должны были читать в этот день, просили сказаться больными и не читать. У С.Ф. в этот день ни на курсах, ни в унив[ерсите]те лекций не было, поэтому вся эта история прошла мимо него. Затем, 18-го поздно вечером О.К. Нечаева прискакала в интернат и стала умолять идти 19-го на лекции, так как иначе-де закроют курсы. 19-го на курсах оказалось достаточно народу (все матем[атическое] отделение и I курс словесного отд[еления] не принимали участия в этой агитации). Введенский, к[ото]рого просили не¹ читать лекцию, сказавшись больным, отказалсяⁱⁱ исполнить эту просьбу и на лекции заговорил о том, как обыкновенно производится такая агитация: есть несколько жожаков, а остальные играют роль пешек, и сам он прежде был такой пешкой, так что говорит об этом на основании собственного опыта. Присутствовавшие на лекции говорят, что он вообще говорил очень умеренно. Следующая его лекция (кажется, в среду, 23-го) прошла спокойно, но 25-го при начале лекции многие демонстративно вышли из аудитории и после лекции остановили Вв[еденско]го в коридоре, прося его отказаться от своих слов, сказанных 19-го на лекции. Он не отказался и упомянул что-то о «стаде баранов». Тогда раздалось шиканье и свист. С одной из заправил всего движения сделалась истерика (Криль); ее унесли на руках, причем она в исступлении кричала: «Наконец он от нас уйдет!» (Вообще все время при имени Вв[еденско]го произносились такие фразы: «Долго мы его терпели, наконец он нам попался». Или: «Михайловский (Н.К.) давно советовал нам обратить внимание на его грубости». И все это движение, как подозревают, произошло не без влияния Семевского и Михайловского; 19-е и неосторожные выражения Вв[еденско]го были только поводом, к которому придрались.) Но тут лопнуло терпение у умеренной, гораздо более многочисленной стороны слушательниц: образовалось два лагеря, стали собирать подписи за и против Вв[еденско]го; сторонниц за оказалось гораздо больше, и противная партия принуждена была уступить, хотя и употребляла все усилия, чтобы избежать этого, прибегая иногда к не вполне чистым путям: анонимным письмам, произвольному увеличению и уменьшению цифр, неверной передаче слов Вв[еденско]го и т.п. В университете, в виде сочувствия курсисткам, естественники хотели устроить демонстрацию Вв[еденско]му, но филологи этого не допустили, и один из зачинщиков, взятый инспекцией, по требованию последней принес Вв[еденско]му сначала вынужденное, а затем, объяснившись с ним, и добровольное извинение. Много было вообще всякого вздору: филологи, желая предупредить Вв[еденско]го о готовящейся ему демонстрации, отправились к нему на дом, а оттуда, не застав его, на курсы, куда их не пустили (их была толпа); увидев их, курсистки вообразили, что это противники Вв[еденско]го, приглашенные мятежной партией курсисток, и накинулись на последних, требуя, чтобы они не смели приглашать студентов и вмешивать их в курсовые дела. Одним словом, своя своих не познаша⁹. В заключение много переполоху наделал произведенный в интернате 9 марта обыск, но оказалось потом, что в сущности полиция, о приходе которой знали заранее, пришла за сундуком какого-то студента, поставленным в интернате одной из интернаток под видом своих вещей.

¹ Частица не вставлена над строкой.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто читать.

Обыск этот, по крайней мере, пока никаких последствий для курсов не имел. Теперь волнение на курсах прекратилось. Кулин все это время был нездоров и в самый разгар истории лежал в постели. Оправившись, он призвал к себе руководительниц движения, и сказал им, что они перед своей совестью ответят за эту историю, что настанет день, когда им станет стыдно того, что они сделали. Но, прибавил он, рассказывая об этом С.Ф-чу, теперь им, очевидно, совсем не стыдно. Интересно, что Беренштам, Криль, Юргенс и другие руководительницы агитации, по рассказам слушательниц, считают себя призванными руководить остальными, и когда им говорят: «Господа, пожалейте курсы, вы можете повредить им, на вас будет лежать вина, если их закроют», – они отвечают: «Еще больше вреда мы им принесем, если будем терпеть этот вредный элемент (то есть своих противниц, большеинство курсисток), который нужно искоренять». Это положительно какие-то иступленные фанатички. Вся эта история имела ту хорошую сторону, что определила взаимные¹ отношения слушательниц, создала, в противовес мятежной партии, некоторую организацию в партии умеренных и заставила индифферентных (а таких масса) примкнуть к той или другой стороне. Интересно отношение к этой истории Кареева и Гревса: первый уполномочил одну из слушательниц сообщать всем, что он против Вв[еденско]-го, и перестал говорить с Вв[еденски]м. Гревс – Бог его знает, что это за человек. Вчера одна курсистка, говоря о нем, сказала: в нем есть что-то неискреннее. Балобанова прямо утверждает, что он с кафедры бунтует курсисток, но что под конец он сам испугался и стал их успокаивать, («играть роль левой педали»¹⁰, по выражению Котляревского). Мне как-то не хочется всему этому верить, я убеждена, что Гревс – честный человек, но все-таки меня смущают некоторые факты: с какой целью повествовал он с кафедры о том, что аудитория разделяется на две части, из которых одна – живая, интересующаяся вопросами товарищества, солидарности, общественности и т.п., а другая – спящая, которой он желает пробуждения? Или, когда мятежная партия оказалась окончательно побежденной, к чему обращаться к другой партии со словами: «Господа, что вы делаете? Вы домогаетесь исключения 6 или 7 из ваших товарищей» – когда этого вовсе не домогаются, а желают лишь положить предел деспотическим замашкам мятежной партии и заставить их держаться смирно и не мешать заниматься наукой. Все это для меня непонятно; несомненно только то, что Гревс, сам человек в высшей степени нервный, порядочно-таки расст[р]оил нервы курсисткам своими то прощальными, то приветственными лекциями, своими лирическими отступлениями (отношение науки к этике, этическая сторона истории и т.п.). Несомненно, что на чтение лекций он смотрит как на какую-то апостольскую миссию. Введенский уверяет, что Гревс, при всем своем уме и познаниях, в сущности способен увлекаться красивыми словами; не берусь судить об этом. С 15 мая Гревс уезжает на год в командировку за границу¹¹. Очевидно, этот год окончательно решит вопрос о том, напишет он диссертацию или нет; писать ее здесь он не может, а между тем Васильевский скоро отслужит все сроки и кафедра его станет свободна¹².

В воскресенье диспут Форстена. Оппоненты – С.Ф. и Кареев¹³; последний представил в факультет отчет, который Васил[ьевск]ий находит очень

¹ Слово взаимные вставлено над строкой.

слабым, не дающим понятия о книге, так как в нем нет ничего, кроме общих фраз. Сам Вас[ильевск]ий доволен книгой Форстена и хочет ходатайствовать о том, чтобы его сделали экстраординарным проф[ессор]ом в университете¹⁴. Неизвестно только, возможно ли это при том условии, что по этой кафедре есть ординарный профессор – Кареев. Кстати: недавно Кареев обратился к Вас[ильевско]му с предложением устраивать каждый год совещания относительно преподавания всеобщей истории в университете, с тем, чтобы не позволять приват-доцентам объявлять курсы без ведома профессоров. (Очевидно, Форстен у него бельмо на глазу.) Но Вас[ильевск]ий холодно отнесся к этому проекту, который он называет деспотизмом.

Здесь теперь попечитель Виленского уч[ебного] округа, приехавший сюда оправдываться по скандальнейшему делу: два гимназиста в Вильно пойманы были на том, что взломали кружку у Остробрамской Божией Матери¹⁵, и объяснили свой поступок тем, что, живя в гимназическом интернате, они страшно голодают и захотели откуда бы то ни было достать денег на пищу. При расследовании этого дела оказалось, что в интернате продукты поставляются из именин Сергиевского, по двойным ценам! Положим, по всей вероятности, это делалось без ведома С[ергиевско]го, но все-таки!

4 апреля. Диспут Форстена прошел с внешней стороны блистательно: масса народу, оглушительные аплодисменты, качание диспутанта и т.д. Сам он, по общим отзывам, держался крайне добродушно. Кареев упрекал его¹ за незнакомство с польским языком и польскими источниками, на что Форстен ему отвечал: «А вот вы, Ник[олай] Ив[анович], не знаете скандинавских языков, так что ж из этого?» С.Ф. ставил ему в упрек незнакомство с русскими источниками и некоторые фактические ошибки, касающиеся русской истории (например, у него в книге говорится о князьях Романовых), на что Форстен отвечал: «Это, верно, какой-нибудь немец напутал». Вечером у Ф[орстена] было великое торжество; С.Ф. вернулся домой только в 7-м часу утра. Произнесено было много речей и тостов. С.Ф. говорил о необходимости сохранять факультетские традиции и провозгласил тост за уничтожение кружковщины. На это откликнулся Лаппо-Данилевский, но не откликнулись Кареев и Гревс. Со времени этого вечера Васильевский особенно мил с С.Ф.: ему понравилась еще и то, что С.Ф. свои возражения начал с упоминания о Бауэре¹⁶.

Недавно на курсы явился Хрущов депутатом от министерства на экзамен Жданова на IV курс и вел себя совершенно неприлично: каждой курсистке, входившей в аудиторию, он отвешивал поясной поклон и кричал: «Здравствуйте!», находя, что курсистки недостаточно почтительно ему кланяются. Затем сделал замечание Жданову, за то что у него в курсе нет «Наказа» Екатерины¹⁷, вмешивался в экзамен, сам предлагал вопросы. Жданов совсем не сумел его остановить, да это, конечно, и не легко было сделать. Все страшно возмущены этим инцидентом, и только благодаря экзаменному времени он не разорся в историю.

На последнем факультетском заседании (2 апреля) произошел некоторый скандал: Соболевский заявил, что его специалисты нуждаются в курсе всеобщей

¹ *Напротив текста на левом поле* Хрущов Соболевский Лекция С.Ф. Студ[енческое] общ[ество].

литературы, и просил факультет принять меры к тому, чтобы подобный курс кем-нибудь читался. Оказывается, что, хотя на факультете есть целое романо-германское отделение, на нем, кроме Брауна, лекций никто не читает. (Веселовский, Батюшков, Ланге)¹⁸.

5 сентября. С 24 августа мы переехали из Царского Села в город, и все это время С.Ф. просто кипит в котле. Кулин подал в отставку в половине августа по совершенно расстроенному здоровью,ⁱ и С.Ф-чу, который все лето исправлял его обязанности, приходится и теперь заменять собой директора¹⁹, что особенно трудно в этом году: прошений подано 218ⁱⁱ, а принять министр разрешил только 100 человек, а не 150, как в прежние годы, причем Кулин принимал значительно большее число (в прошлом году 190). Такое ограничение числа поступающих вызвано было, с одной стороны, тем, что, по выходе с курсов 2-го выпуска, оказалось, что без нового приема этого года на курсах заполнен весь комплект (400 человек), а с другой – тем, что министр весной был на курсах, какие-то слушательницы, не узнав его, не поклонились ему, он остался этим очень недоволен и даже, говорят, сказал, что он ведь может и закрыть курсы. О закрытии теперь нет и речи, но все-таки С.Ф-чу приходится переживать много тяжелых минут. Решено было прежде всего принимать с медалями и книгами и «по особой рекомендации». Из остальных приходилось выбирать, но чем тут руководиться?

12 сентября. За это время совсем не выяснился вопрос о том, кто будет директором на курсах. В среду, 7-го, был у нас всеветный и всеведущий Ал[ександр] Ф[едорович] Селиванов, к[ото]рый каким-то непостижимым образом умудряется всегда иметь верные сведения решительно обо всем. Он рассказывает, что министр, получив прошение Кулина об отставке, прежде всего подумал о С.Ф., но затем решил, что жаль такому молодому человеку предлагать место, к[ото]рое только может мешать его ученой карьере. И если это правда, как я благодарна министру за такое рассуждение! Педагогический персонал курсов и даже комитет очень желали бы, чтобы директором был С.Ф., так как боятся назначения какого-нибудь неподходящего человека со стороны, и я боюсь, что, предложи министр это место С.Ф-чу, нас убедили бы взять его хотя на время *из-за идеи*. А между тем теперь, когда он исправляет эту должность, я вижу, до какой степени она щекотлива и хлопотлива. Едва ли с ней можно было бы совмещать университет, а расстаться с университетом было бы уж очень грустно. – По словам Селиванова, место это предлагали Дебольскому, инспектору гимназии Оболенской, но он отказался. Сегодня А[фанасий] Ф[едорович] Бычков сказал С.Ф-чу, что директором будет Раев, сын митрополита Палладия, бывший до сих пор инспектором или директором народных училищ в Курской губернии²⁰. 8 сентября мы были у Степановых и видели там служащего в Министерстве нар[одного] просв[ещения] молодого Манна, к[ото]рый с таинственным видом говорил С.Ф-чу, что «ничего неизвестно», «желающих на это место мало» и «могут быть совершенно неожиданные назначения».

В конце концов на курсы принято гораздо более 100 человек: С.Ф. принял 111, затем приезжал на курсы попечитель и принял еще 20 человек, разрешив

ⁱ *Напротив текста на левом поле* Помяловский и Акад[емия]. Латышев и Журн[ал] Мин[истерства] народного просвещения].

ⁱⁱ *Число 205 исправлено на 218.*

С.Ф-чу принять еще 2–3, по особенно уважительным причинам; вольнослушательницы, которых можно принять 5, в это число не входят. Таким образом, вместо 100 человек принято 150.

10 октября. В последнее время все злобы дня заслонены болезнью государя. Давно уже ходили слухи, что он плохо себя чувствует и все не может оправиться от инфлюэнцы, бывшей у него в январе. Назначенные летом большие маневры в Смоленске, на приготовления к к[ото]рым было истрачено более миллиона, не состоялись именно потому, что государю все время нездоровилось. Затем вдруг около половины сентября царская фамилия по совету врачей уехала в Ливадию и стали появляться тревожные бюллетени²¹.

Говорят, что следствием прошлогодней инфлюэнцы у государя явилось перерождение почек, что, в свою очередь, влечет за собой общее заражение крови. Много в обществе ходит разных толков, несомненно преувеличенных, и очевидно только одно – что положение государя очень серьезно. Уверяют, что между двумя главными врачами, пользующимися государя, моск[овским] Захарьиным и берлинским Лейденом, полное разногласие: первый, к к[ото]рому примыкают остальные русские доктора (Попов, Вельяминов, Гириш), считают дело потерянным, второй же находит, что у государя не перерождение почек, а лишь осложненная неврастения, и считает болезнь излечимой. Говорят, что у государыни от нервного потрясения отнялись ноги, что Ксения все никак не может оправиться от падения в день своей свадьбы²², когда лошади, испугавшись иллюминации, понесли и опрокинули в грязь коляску новобрачных. Говорили также все это время, будто наследник не хочет жениться на Алисе и даже намерен отречься от престола, так как желает будто бы жениться на какой-то русской княжне, в к[ото]рую он давно влюблен; другие уверяли, что Алиса сама не хочет выйти за него замуж, так как не хочет принимать православия.

Теперь же говорят, будто свадьба наследника с Алисой состоится экстренно в Ливадииⁱⁱ завтра, в среду, 12 октября²³; вчера Алиса должна была прибыть вечером в Ливадию, куда теперь съехались все великие князья – Конст[антин] Конст[антинович] из Венеции, Вл[адимир] Ал[ександрович] из Парижа и т.д. Бог знает, сколько истины во всех этих толках. Каждое утро мы с нетерпением ждем газеты и разворачиваем ее со страхом. Третьего дня у нас был А[лександр] А[ндреевич] Спицын и говорил, что товарищ министра двора бар[он] Фредерикс получил из Ливадии телеграмму от Воронцова-Дашкова: «готовьтесь ко всему».

Директором курсов назначен Н[иколай] П[авлович] Раев. Он приезжал сюда, был с визитом у С.Ф. и инспектрисы Веселовской и не застал дома ни того, ни другой. Когда на другой день С.Ф. поехал отдавать ему визит, ему сказали, что Раев уже уехал в Курск до конца октября. Так его никто до сих пор и не видел. А С.Ф. все продолжает каждый день ездить на курсы и страшно устает. Скорей бы уж это кончилось!

25 сентября вечером на курсах происходило чествование Кулина: были прочитаны адреса – от слушательниц и комитета, говорились речи, читались стихи (слуш[ательница] Леванда, рожденная Малаховская), проливались слезы. Кулин был очень растроган всем этим и сказал речь, в которой в конце

ⁱ Слово бюллетени исправлено на бюллетени.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто после.

упомянул о том, что на курсах много черных точек, к[ото]рые очень вредят курсам и к[ото]рые нужно стараться уничтожить. Говорят, что представительницы левой партии среди слушательниц хотели тотчас же подойти к Кулину и сделать ему запрос, кого он разумеет под черными точками, но что представительницы правой партии их не подпустили. Мне кажется, что со стороны Кулина это упоминание было не совсем уместно. Кстати: Кулин недавно в разговоре с С.Ф. заметил, что деятельность Гревса на курсах во многих отношениях была загадочна и вносила смуту¹.

Как-то Васильевский говорил С.Ф.-чу, что Помяловский до сих пор не может простить академикам, что они избрали в Академию Эрнштедта, а не его²⁴. Тот же В[асильевск]ий говорил, что Латышев, недовольный своим положением в департаменте²⁵, не прочь занять место В[асильевско]го в редакции, то есть стать редактором.

Сейчас (в первом часу ночи) С.Ф. вернулся от Дружинина и сообщил, что есть еще бюллетень: государю хуже, отеки ног увеличились, аппетит мал.

16 октября. В среду, 12-го, вечером вернулась Катерина, уезжавшая в Новгород для свидания с родными; теперь я отдыхаю, а то в ее отсутствие мне было трудно с детьми. Сегодня был у нас Степанов и передавал, будто харьковский профессор Грубе сам напросился в Ливадию, так как подозревает у государя нарыв в почках, требующий операции. Отсюда вызывают в Ливадию хирурга Субботина; по-видимому, хотя и делать операцию. Великая княгиня Александра Иосифовна привезла к государю Иоанна Кронштадтского, к[ото]рый, по слухам, телеграфировал кому-то, что совершилось чудо, государь быстро поправляется. Судя по бюллетеням, ему действительно лучше за последние дни. Говорят, царская фамилия терпит много неудобств в Ливадии, что мясо им посылается чуть ли не из П[етер]бурга.

А печатание моего Канта грозит затянуться до бесконечности²⁶; мне это так надоело, что я торжественно дала себе слово никогда больше не брать переводной работы. Помышляю теперь попасть в сотрудицы словаря, издаваемого при Истор[ическом] общ[естве]²⁷. Хотелось бы мне взять на себя биографию императрицы Марии Феод[оровны]²⁸, если только она уже не поручена кому-нибудь другому.

В последнее время я заинтересовалась французской современной литературой; прочла статью Рене Думика об Эдуарде Роде²⁹ и теперь хочу читать в «Русской мысли» пересказ статей Думика и Фаго о Бурже³⁰. Кроме того, читаю Метерлинка (декадента). Его «Les sept princesses»³¹ ужасны – не в смысле художественности, а в смысле того впечатления, к[ото]рое они производят.

Сегодня С.Ф. получил от Анненского (директора VIII гимназии) его стихотворный перевод «Вакханок» Эврипида с обширным предисловием. Это – очень изящная по внешности книга, посвященная Дине Вал[ентино]вне Анненской «любящим мужем»³². Я очень рада за Анн[енско]го, что ему удалось наконец хоть что-нибудь сработать; не знаю только, есть ли его предисловие исследование или компиляция.

В среду, 5-го³³, был у нас Л[ео]нид Н[иколаевич] Майков и говорил, между прочим, о французской литер[атуре]: по его мнению, теперь в ней замечается

¹ Слова и вносила смуту написаны над строкой.

³³ Число 12-го исправлено на 5-го.

новое веяние, появляются вещи, не по-французски задуманные, напр[имер] «La vie privée de Michel Teissier» – Рода³³; по его мнению, это новое течение образовалось под воздействием русской литературы, Тургенева, Толстого. В этих новых произведениях французской литературы взгляд на семейные отношения совершенно иной.

22 октября. Государь скончался 20-го, в 2 часа 15 минут дня, в полном сознании. Отчего он умер, до сих пор достоверно неизвестно: кто говорит о раке в почках, кто о скоротечной чахотке. Мне бесконечно жаль его: мысль беспрестанно рисует в воображении картину человеческих страданий. Государыня ни на минуту не отходила от мужа; Иоанн Кр[онштадтский] тоже до конца был при нем. С большим нетерпением мы ждем обнародования протокола вскрытия. В обществе довольно-таки распространено мнение, что доктора не поняли болезни государя; в Москве возбуждение народа против Захарьина настолько сильно, что дом З[ахарьина] постоянно охраняется полицейским караулом. Я не поклонница З[ахарьина], но думаю, что его обвиняют неосновательно: он лечил государя в январе, затем был отпущен в Москву, раза два за все остальное время приезжал сюда ненадолго – что же он мог сделать при известной нелюбви государя к лечению? 20-го, в день смерти государя, мы с С.Ф. ездили и ходили по городу; заметно было необычное оживление; у бюллетеней толпа – но все было спокойно. Вчера праздновали восшествие на престол; наследником объявлен в манифесте Георгий, пока «Господу Богу угодно будет благословить рождением сына предстоящий наш брак с Алисой, принцессой Гессен-Дармштадтской»³⁴. Вчера в университетской церкви профессора и студенты принесли присягу; народу была масса. По впечатлениям С.Ф., все это носило характер чрезмерного верноподданничества; вообще С.Ф. находит, что за последние годы студенчество коренным образом изменилось. – А жизнь идет своим чередом: С.Ф. видел недавно в университете Капустина, к[ото]рый передавал, что, когда ему представился новый директор курсов – Раев, он, К[апусти]н, сказал ему: «Очень рад вас видеть, но очень жалею, что вы будете не на месте, говорю вам это совершенно откровенно. Если бы вы были назначены делопроизводителем по низшим учебным заведениям (Раев, оказывается, писал какой-то проект об обязательном обучении), вы могли бы быть очень полезны для нас, а высшее учебное заведение не ваша сфера». – Не знаю, какое впечатление это произвело на Раева, но мне приходит на мысль – неужели он не откажется от этого назначения? Он до сих пор в отсутствии.

А русское отделение Археол[огического] общества, в к[ото]ром председателем состоит С.Ф., а секретарем Лаппо-Дан[илевск]ий³⁵, обнаруживает признаки жизни: было одно заседание с докладом Спицына о чудских могильниках и Преснякова³⁶, 10-го будет еще заседание с докладом Брауна, к[ото]рого Васильевский назвал недавно Готокопом, и Середонина³⁷. Зато кареевское Общество совсем молчит: до сих пор не было ни одного заседания³⁸.

Чечулин предлагает мне написать в Словарь Ист[орического] общ[ества] биографии жены Карамзина и императрицы Марии Феодоровны; кроме того, я хочу написать биографию Кохановской³⁹. Я в восторге от этой работы.

¹ Слова и Преснякова дотисаны на правом поле.

3 ноября. В ноябр[ьской] книжке «Северного вестника» Волынский сильно задел Кареева за его «Письма к учащейся молодежи о самообразовании»⁴⁰ – и, по-моему, за дело: нельзя же, в самом деле, гладить К[арее]ва по головке за его невозможно туманные фразы, излагающие самые общие места. Говорят, К[арее]в сильно затронут.

Недавно Шляпкин, экзаменуя одну курсистку и желая объяснить себе причину ее плохого ответа при ее очевидной способности заниматься с толком, спросил ее, каким предметом она собственно интересуется. Отв[ет]: «Историей, п[отому] ч[то] она помогает нам понимать настоящее». Вопр[ос]: «Какой же историей вы занимаетесь?» Отв[ет]: «Средней (Гревс)ⁱⁱ»; она читается нам так, что совершенно ясно ее отношение к настоящему».

В воскресенье (29 октября) вечером был у нас Раев, принимал от С.Ф. дела; по внешности он совсем не подходит к представлению о директоре: это – не старый (под 40 лет), но с проседью, упитанный человек, не интеллигентной наружности, какой-то купчик, безвкусно-франтоватый. На курсах его мало кто видел, так как он большей частью сидит в канцелярии. Вчера, впрочем, он с 250 курсистками был в крепости, у гроба государя.

Удивительно, какие всеобщие сожаления слышатся по поводу смерти государя. Великий миротворец – это прозвище останется за ним в истории.

Во всяком случае это был прямой и честный человек – и дай Бог, чтобы сын продолжал миролюбивую политику отца.

Перевезение гроба государя совершалось с необыкновенною торжественностью 1 ноября. Впрочем, ходят слухи, будто государь остался недоволен встречей, сделанной ему в П[етер]бурге: встреча не была всенародной, как в Москве, где, как говорят, массы народа видны были на всем протяжении пути от вокзала до Кремля. Но, во-первых, самая топография Москвы (волнистая местность и множество перекрестков) гораздо удобнее для всенародной встречи, чем топографияⁱⁱⁱ П[етер]бурга, а во-вторых, здесь полиция, с Валем во главе, приняла все меры, чтобы публика была как можно менее видна: запретили влезать на фонарные столбы, крыши, открывать окна и балконы. Говорят, что это и вызвало неудовольствие государя против Валя. Кстати, говорят, будто государь подал руку не всем членам Государственного совета, когда они ему представлялись, а только Андреевским кавалерам⁴¹. Говорят еще, будто Милютин будет канцлером⁴². Здесь теперь масса иностранных гостей – августейших и простых. В городе не хватает экипажей (за поездку в крепость кареты берут по 25 рублей), парикмахеров, в гостиницах – прислуги.

8 ноября. Вчера наконец похоронили государя; мир его праху! Я рада за его близких, особенно за государыню: мне кажется, когда теряешь близкого человека, хочется, чтобы все скорее кончилось; эта длительность тяжелого положения ужасна. Говорят, что тело очень быстро разлагалось, почему в Москве вместо предполагавшихся 3 суток^{iv} оно было только одни сутки^v.

ⁱ Напротив текста на левом поле Шляпкин и курсы.

ⁱⁱ Фамилия (Гревс) вставлена над строкой.

ⁱⁱⁱ Далее зачеркнуто Москв[ы].

^{iv} Слово судок исправлено на суток.

^v На левом поле напротив текста Крепость ночью. Манифест. Отв[етные] телегр[аммы] гос[ударя]. Раев. Письмо Зах[арь]ина. Слав[янское] бл[аготворительное] общ[ество]. Ист[орическое] общ[ество].

21 ноября. Сегодня неделя, как государь обвенчался. Как подумаешь, что должна была пережить Алиса за этот небольшой промежуток времени: из своего ничтожного Гессен-Дармштадта переселилась в Россию, присутствовала при последних днях и агонии покойного государя, перешла в православие, обвенчалась, из ничтожной немецкой принцессы превратилась в русскую императрицу, от которой все ждут теперь произведения на свет наследника престола. Мне даже жаль ее становится: переживать такие важнейшие в жизни женщины минуты, можно сказать, на глазах всего света! Кстати, говорят, что в день свадьбы полиция просила даже открывать окна и балконы в домах на пути свадебного поезда, что, возвращаясь из церкви, государь дошел пешком от Зимнего дворца до арки Гл[авного] штаба, что народу везде была масса, что полиция совсем ступшевалась и даже войска увели. До свадьбы государь, говорят, ходил пешком из Аничкова дворца во дворец С[ергея] Ал[ександровича] и обратно возвращался с невестой – причем полиция совсем растерялась и не знала, что делать.¹

Удивительно неожиданные впечатления получают теперь от личности нового государя: до сих пор он представлялся безличным, а теперь оказывается, что эту кажущуюся безличность следует объяснять его идеальной непроницаемостью. Интересно, что его ответные телеграммы, если не им самим составленные, то прошедшие через его цензуру, удивительно хороши: кратки, содержательны и тактичны, прямо – умны. Великий князь Конст[антин] Конст[антинович] говорил академикам, что государь любит говорить и очень свободно и легко говорит. Затем, по общим отзывам, государь – идеально корректный человек, и, наконец, симпатично то, что из всех великих князей он ближе всех с Конст[антином] Конст[антиновичем] и Александром Мих[айловичем] – двумя самыми порядочными и умными, и что, кажется, наиболее близкий к нему из не-августейших друзей – Кочубей – безусловно порядочный человек. Затем передают легенду (но, кажется, это – не более чем легенда), будто государь, будучи наследником, каким-то образом слушал лекции, читанные Ключевским в Аббас-Тумане великому князю Георгию⁴³, увлекался ими и по целым ночам вел теоретические споры. Об Алисе также ходят отрадные слухи; несомненно, что она из хорошей семьи, что ее мать была прекрасная женщина; говорят, что Алиса прекрасно образована, прошла даже у себя на родине курсы Красного Креста, что она большая философка и даже пишет философские статьи (но, последнее, вероятно, легенда); ввиду всего этого наденутся на скорое открытие медицинских курсов. Дай-то Бог! Вообще мы на заре чего-то нового и, авось, хорошего.

Нужно сказать, что последнюю неделю, то есть с свадьбы государя, общий интересⁱⁱ от смерти покойного государя обратился к личности нового государя – *le roi est mort, vive le roi*ⁱⁱⁱ.

Но пока еще не забылось, хочется записать кое-что о болезни и смерти покойно[го] государя. В газетах было напечатано письмо Зах[арьи]на: оказывается, что с января, когда Зах[арьи]н лечил государя от инфлюэнцы, З[ахарьи]н видел государя один раз в мае (давал отчет о здоровье Георгия,

¹ На левом поле напротив текста помета Это миф.

ⁱⁱ Порядок слов изменен автором с интерес общий.

ⁱⁱⁱ Король умер, да здравствует король! (фр.).

по возвращении своем с Кавказа), а затем в августе был вызван на консилиум, причем тогда уже (около 9 августа) врачи признали болезнь государя (перерождение почек) неизлечимой⁴⁴. Ходят слухи, будто первым, кто точно определил болезнь государя, был молодой морской врач, который, во время плаванья царской семьи в шхерах в июле, по внешнему виду государя заподозрил болезнь, а по исследовании мочи, которую достал через камердинера государя, поставил диагноз и донес об этом по начальству. Зах[арь]н в своем письме говорит, что одной из главных причин, способствовавших быстрому развитию болезни, было холодное и дождливое лето и в высшей степени холодная и сырая спальня государя в Петерб[урге] дворце! Спрашивается, как это могло быть? Неужели г[осударь], у к[оторого] такая масса дворцов, не мог лучше поместиться? И чего смотрели его личные врачи? Недаром ходит слух, будто Гириш отравился (но его спасли) с отчаяния, что недосмотрел.

На курсах теперь злорадия – Раев. Кажется, теперь уже вполне выяснилось, что он – совершенно глупый, бестактный и ничего в данном деле не понимающий человек, так что больно и обидно за курсы. Все профессора, инспекция, слуш[ательни]цы – все возмущаются и смеются. Такой добрый и простой человек, как Рождественский, недавно с негодованием говорил С.Ф-чу, что это просто срам, что за директор: ни повернуться, ни слова сказать не умеет, лекцию прилично прослушать – и того не умеет. – С профессорами он даже не считает нужным познакомиться; многие из них его до сих пор и в глаза не видали; нек[ото]рые (Мещерский) обращаются к С.Ф-чу с формальной просьбой познакомить их наконец с директором. Говорят, недавно он явился в профессорскую (куда вообще является очень редко) и стал разговаривать с кем-то, не подумав даже поздороваться и познакомиться с остальными. Тогда Мушкетов, человек вообще очень решительный, обратился к нему, не поднимаясь с места, со словами: «Вы, кажется, наш новый директор? Позвольте с вами познакомиться: профессор Мушкетов» – и протянул ему руку. Я думаю, Раев при этом чувствовал себя не¹ очень ловко. Или вот еще инцидент: сл[уш]ш[ательни]ца обращается к Р[аеву] с заявлением, что ее по недоразумению записали на матем[атическое] отд[еление], что она ни на одной лекции там не была, занимается на ист[орическом] отд[елении] и просит перечислить ее туда. Раев: нет, этого нельзя. Сл[уш]ш[ательни]ца: почему? Раев: п[отому] ч[то] на истор[ическом] отд[елении] народу много, а на матем[атическом] мало, а нужно, чтобы было поровну! И ему должны были объяснить, что она имеет на это полное право.

27 ноября. Вчера на курсах был первый совет, на к[отором] присутствовал Раев – и, против всякого ожидания, держался прекрасно, так что произвел на всех хорошее впечатление. С.Ф. читал составленный им отчет за прошлый год. Затем избрали комиссию для обсуждения вопроса о деканстве (С.Ф., Введенский и Шенбор). А у Раева уже было столкновение с курсистками: он поручил М[адаме] Веселовской в частных разговорах со сл[ушательница]ми говорить о том, что они должны вставать при входе профессора в аудиторию. Это, кажется, стояло в связи с разговором товарища мин[истра] Волконского по поводу того, когда Делянов весной приезжал на курсы на экзамены, какие-то сл[ушательни]цы

¹ Частица не вставлена над строкой.

его не узнали и ему не поклонились. М[ада]ме Веселовская поняла, что это желание Раева нужно заявить сл[ушательни]цам как его требование, и повела дело с свойственной ей бестактностью, а так как сл[ушательни]цы ненавидят В[еселовск]ую и всегда готовы поступать ей наперекор и так как, в данном случае, они еще вообразили, будто В[еселовск]ая взяла в руки Раева и его именем заявляет собственные желания, то они решили не вставать ни за что (хотя до этого сидевшие на передних лавках всегда приподнимались). Когда после этого Котляревский и Раев вошли в аудиторию и кое-кто было поднялся, им громко закричали: «Не вставайте[!]» Затем, когда перед началом лекции воцарилась полная тишина, одна 1-курсница громко сказала: «Господа, уйдемте из аудитории, профессору мешают читать» (то есть присутствии Раева мешает). Но ей зашикали, К[отляревск]ий начал читать, и все обошлось. Затем Раев заявил, что, если виновная не явится к нему с извинением, он поедет по начальству. Виновная не явилась, но Раева удалось убедить прекратить дело. Он пришел в аудиторию и заявил, что прекращает дело, п[отому] ч[то] считает, что виновная действовала по недомыслию. А затем С.Ф. целый час, вместо русской истории, говорил об этой истории, убеждая сл[ушательни]ц не становиться с самого начала во враждебные отношения с новой силой. Интересно, что когда у нас в среду толковали о том, как должны профессора относиться к этому требованию Раева о вставании, то Степанов заявил, что они должны прямо заявить сл[ушательница]м, что считают это требование бессмысленным. Удивительно наивен бывает иногда Ст[епано]в!

Сегодня я с детьми была у Ивановых. К[онстантин] Ал[ексеевич] не знает, брать ли ему предлагаемые ему в педагогических классах Екате[рининского] инс[титута]⁴⁵ лекции по истории: его предшественник К[онстантин] С[еменович] Шварсалон внезапно удален оттуда за политическую неблагонадежность⁴⁶: он что-то болтал об отношении веры к разуму и еще о чем-то – до такой степени резко, что, например, жена п[етер]бургского губернатора Толь запретила своей дочери институтке посещать его лекции^{46а}. Вот, подумаешь, неймется человеку! Уже один раз, за границей, он скомпрометировал себя в глазах правительства какими-то знакомствами, но тогда ему удалось выпутаться⁴⁷. И какой это дешёвый либерализм! Сам он – заведомо нечистый в нравственном отношении человек; уж одна его женитьба на Зиновьевой (вернее, на ее состоянии), для к[ото]рой он потом стал отчаянным деспотом, чего сто́ит!⁴⁸

Сегодня С.Ф. рассказал мне историю избрания молодого Погодина в секретари Археол[огического] инс[титута] в Константинополе⁴⁹. По уставу, секретарем там должен быть магистр или доктор и должен читать лекции лицам, командированным в К[онстантинопо]ль для занятий⁵⁰; а Погодин даже магистерских экзаменов не держал, и Вас[ильевск]ий говорил ему, что ему не¹ следует ехать на это место. Но министерство заявило Ф[едору] Успенскому, чтобы он назвал П[огодина] кандидатом себе в секретари, что его рекомендуют все п[етер]бургские, между прочим, и Васильевский⁵¹. Усп[енск]ий дался в обман – и все это шулки Т[ергия] И[вановича] Филиппова, дяди П[огодина]. И подумать только, что П[огодин] считает себя либералом, бывал и работал у Кареева – что только ни соединяется с так называемым либерализмом!

1 декабря. Вчера я была в концерте в память Рубинштейна. Удивительное впечатление произвел на меня траурный вид залы: все в черном, даже пьянистка

¹ Частица не вставлена над строкой.

(Познанская) и певица (Сушкова). Не вовремя умер Рубинштейн⁵²: все теперь так заняты событиями в царской семье, у всех столько потрачено нерв[ов] и слез по поводу смерти государя, что на долю Руб[инштейн]а ничего не осталось, и такая огромная потеря прошла почти незаметно – особенно когда вспомнишь, каким огромным событием была в прошлом году смерть Чайковского⁵³.

Вчера был у нас Введенский и говорил, что на акте, пожалуй, могут произойти некоторые казусы: по поводу восшествия на престол нового государя во всех высших уч[ебных] заведениях происходит брожение: хотят подавать государю петицию, но везде, говорят, решили отложить дело до актов – так вот, не будет ли чего на акте на курсах, не вздумают ли подать что-нибудь министру. Теперь я со страхом поеду на акт: так страшно за курсы.

22 ноября была первая студенческая беседа под руководством Лаппо-Данилевского.

Посредством этих бесед, к[ото]рым начальство ни за что не позволяет дать организацию общества, участники их пытаются возобновить закрытое в 1887 году студенческое научно-лит[ературное] общ[ество]. 22-го читал Пресняков доклад о книге Lacombe'a («L'histoire considérée comme science»)⁵⁴. Был[и] Васильевский, Л[а]п[по]-Дан[илевский] и много народу, говорили, спорили – вообще, говорят, было очень мило.

Об этой же книге делал доклад Кареев в 1-м заседании Ист[орического] общ[ества] (9 ноября)ⁱ, где еще Семевский читал свои воспоминания о Ядринцеве. Доклад К[ареев]а, говорят, был до крайности длинен и скучен (он будет напечатан в «Ист[орическом] обзор[ении]»⁵⁵, к[ото]рое кто-то, кажется Пресняков, шутя называет самообозрением Кареева), а воспоминания С[емевско]-го очень тенденциозны и малосодержательны⁵⁶. Народу была масса. Л[а]п[по]-Дан[илевский] оставляет должность секретаря Ист[орического] общ[ества]⁵⁷, так как председательство на студ[енческих] беседах и руководство ими требует от него много времени. Говорят, весною он представил в совет Ист[орического] общ[ества] записку о необходимости иначе организовать деятельность общества, но на эту записку не обратили никакого внимания – главным образом под влиянием Семевского⁵⁸. Секретарем общ[ества] вместо Л[а]п[по]-Дан[илевского] будет Мякотин⁵⁹. Вообще, как вполне верно заметил кто-то, это общ[ество] удивительно идет к своему типу: Мякотин – любимый ученик Сем[евско]го.ⁱⁱ

2 декабря. С.Ф. Ольденбург представил магистерскую диссертацию («Буддийские легенды»); диспут был назначен на 27-е, но отменен⁶⁰ по болезни сына Ольд[енбург]а, единственного ребенка у вдовца-отца: у бедного мальчика дифтерит в тяжелой форме. Раухфус, говорят, отказался применить кровяную сыворотку, так как случай тяжелый, где сыворотка не действительна. Даже думать страшно, что теперь происходит у постели больного. Дай Бог, чтобы он поправился!

Сейчас С.Ф. получил письмо от Милюкова: в Москве студенты четыре раза освистали Ключевского за его (две) лекции об Александре III: до и после каждой из двух лекций. Дело дошло чуть не до потасовки между студентами.

ⁱ Слова (9 ноября) вставлены на правом поле.

ⁱⁱ На левом поле напротив текста Слав[янского] благ[отворительное] общ[ество]⁶¹. Диспут Кулак[овско]-го⁶². Диссер[гация] Ольд[енбург]а. Статья Гревса.

Наиболее буйным, говорят, грозит исключение⁶³. Раев сегодня передавал, будто в Москве масса арестов и высылки (по поводу петиции).

Капустин уехал в Аббас-Туман – по слухам, затем, чтобы подбодрить Георгия, убедить его, что он не настолько плох, чтобы не заниматься; но сам К[апустин]н, говорят, должен только разговаривать, а не заниматься с Г[еоргие]м.

Виленский попечитель Сергиевский уволен от должности с определением в Сенат. На его место, по слухам, назначается Лаврентьев⁶⁴. Если это правда, жаль, что Л[аврентьев]в отсюда уходит: он такой прекрасный и дельный, хотя суроватый человек.

5 декабря. Вчера был акт на курсах; все прошло хорошо, министру никакой «бумажки» не подавали⁶⁵. Слава Богу! А то многие опасались, как бы чего не вышло. В Москве, говорят, полиция была в стенах университета, производила аресты. Такое теперь тревожное время, все боишься, как бы не грянул гром. А тут еще этот дурак Валь: концерт студентов должен состояться, по обыкновению, завтра, но третьего дня ректор получил телеграмму, что концерт отменяется и что деньги, собранные за билеты, должны быть переданы ему. Вчера я сама видела на улицах расклеенные контр-афиши: концерт отменяется. А сегодня вдруг в «Нов[ом] вр[емени]» читаем: контр-афиши не действительны, концерт непременно состоится⁶⁶. Не понимаю, как можно так быстро менять запрещения на разрешения, и в такое беспокойное время!

Вчера акт был очень короткий: молебен, затем отчет, прочитанный С.Ф., – и больше ничего. С.Ф. при чтении пропустил в отчете отца Рождественского, читающего на курсах богословиеⁱⁱ. Многие это заметили, подумали, что Р[ождественский] уже не читает на курсах. Это было очень неприятно С.Ф-чу, он сегодня ездил к Р[ождественско]му объясняться, но Р[ождественский] такой милый, что не придал этому никакого значения. После чтения отчета и «Боже царя храни»⁶⁷ министр сейчас же уехал, даже, против обыкновения, не зашел в библиотеку; как будто очень торопился, будто боялся чего-то. После отъезда министра и всего начальства профессора курсов поднесли С.Ф-чу адрес благодарственный «за 7-месячное управление курсами»⁶⁸. (Мы с С.Ф. не понимаем только, откуда эти «7 месяцев»? По-нашему, с 1 июня по 1 ноябряⁱⁱⁱ.) Это было очень душевно; курсистки горячо аплодировали. Этот адрес, конечно, лучшая награда С.Ф-чу за тяжелую осень. Раев принимал большое участие в этом адресе и очень благодарил С.Ф-ча за советы и указания.

Вечером мы были с С.Ф. у Шифф: там довольно много народу, все математики. Я довольно много говорила с женой профессора Сохоцкого (кажется, милая женщина) и академиком Сониным; это, кажется, довольно желчный человек.

В университете весь ноябрь тянется глупая история между филологами П к[урса] и Холодняком: последний, услышав от знакомого ему ст[удента] П к[урса] Лаврова об одном разговоре последнего с ст[удентом] того же курса Бекштремом по поводу данной Холод[няко]м медальной темы «Musa Africana lapidaria»^{iv}, устроил сцену Бекштрему; началась история, Х[олодняк] признал свой поступок более чем легкомысленным, но Лавров не пожелал извиняться

ⁱ Слово изменять исправлено на менять.

ⁱⁱ Слово богословие вставлено над строкой.

ⁱⁱⁱ Слово октября исправлено на ноября.

^{iv} Поэтические памятники африканской эпиграфики (лат.).

перед Б[екштремо]м и взять назад свое поданное сочинение⁶⁹. Сюда же впутали ректора; Помяловский заступает за Л[авро]ва, приятеля своего сына⁷⁰, студенты требуют, чтобы Л[авро]в перешел в другой университет, и пришли с этим к ректору; последний, всплыв, сказал, очевидно, под влиянием разговора с Пом[яловски]м: «Идите к министру, но если Л[авро]в уйдет, и я уйду». И подумаешь: какая старая баба-сплетница этот Х[олодня]к! Всегда он разводит смуты и сплетни.

В субботу, 3-го, я была в I русской симф[онии]. Было пустынно, но мило.

10 декабря. Дело с студ[енческим] вечером распуталось: виноват был комитет, устраивавший вечер (на имя артиста Келлера). В конце концов вечер состоялся и прошел удачно. В понед[ельник], 12-го, в зале Кононова устраивается еще вечер в пользу студентов; после спектакля и концерта будут даже танцы.

Говорят, будто государь по делу о беспорядках в Моск[овском] университете постановил такую резолюцию: беспорядки эти ниже достоинства студентов; не преследовать виновных за поступки, унижающие их^{i 71}.

Вчера было заседание русского отд[еления] Арх[еологического] общ[ества], доклад Лопарева (очень интересный) о вновь открытом памятнике раскольничьей литературы (о самосожжении) и доклад В[асилия] Г[ригорьевича] Дружинина о раскопке кургана на Урале – доклад без всякого увлечения⁷². Вообще все близкие В[асилию] Гр[игорьевичу] люди поражаются перемене, происшедшей в нем за последние годы: он удивительно очерствел, куда девалась его прежняя мягкость, деликатность; он теперь часто может задеть, уколоть, сам того не замечая. Мне кажется, что в нем все яснее сказываются черты старого холостяка.

В[асилий] Гр[игорьевич] сообщил С.Ф-чу, что он слышал от Смирнова-турка (профессора Восточного ф[акультета]), что факультет страшно недоволен диссертацией Ольденбурга, но что декан (Розен) оказывает на факультет сильное давление в пользу Ольд[енбур]га, хотя сам [в] прошлый понед[ельник] у Вас[илия] Гр[игорьевича]ⁱⁱ в ответ на нападки Чеч[ули]на и других на книгу Ольд[енбур]га говорил, что он, убеждая О[льденбур]га подать это как диссертацию, думал, что переводу будет предпослано руководящее введение, к[ото]рого, в действительности, не оказалось. Видно, гораздо легче предъявлять другим высокие требования и высказывать недовольство трудами и деятельностью других (как это постоянно делают люди кружка Ольд[енбур]га, Гревса и К^o), чем самому удовлетворять этим требованиям. 10 лет работать над диссертацией и представить голый перевод!

Со Щепкиной, занимающейся в воскресных школах Техн[ического] общ[ества]⁷³, был недавно (уже в новое царствование) казус: она очень подробно излагала ученикам, как Бенкендорф преследовал Пушкина⁷⁴. Это дошло почему-то до сведения полиции, и фон Валь обязал ее подпиской никогда нигде не преподавать. Щ[епки]на бросилась к Небольсину, председателю Техн[ического] общ[ества], тот к великому князю Конст[антину] Конст[антиновичу], последний написал фон Валью и все уладилось: ей разрешили преподавать до первого случаяⁱⁱⁱ.

ⁱ На левом поле напротив текста (С.Ф. слышал от Фойницкого).

ⁱⁱ Текст со слов что факультет выделен чертой на правом поле.

ⁱⁱⁱ Слова до первого случая вставлены на правом поле.

В среду (7-го) я была у Стасовой. Она недовольна нек[ото]рыми частностями в отчете С.Ф.: как мог он сказать, что Кулин много сделал для курсов? К[ули]н ничего не сделал, всем известно, что курсы создал комитет, и т.д., и т.д. Эти разговоры для меня – все равно что refrain¹ в средневековых песенках. А С.Ф.-чу Аничков на днях сказал, что теперь курсы могут обходиться и без комитета, а когда С.Ф. заметил, что в трудное время курсы могли существовать лишь благодаря комитету, А[ничко]в отвечал: «Да, но в нашем ведомстве много жертвователей, дающих громадные деньги и держащихся очень скромно (Поляков и универс[итетское] общежитие⁷⁵); кичливость тут неуместна».

А студенческие беседы под руководством Лаппо-Дан[илевско]го идут, по-видимому, успешно: недавно была вторая и прошла очень оживленно⁷⁶.

13 декабря. Говорят, из-за истории с лекциями Ключевского из Моск[овского] университета выслано 69 человек студентов и магистрантов⁷⁷. Не хочется этому верить. Напишу Коле и спрошу, правда ли это.

На курсах Раев вывесил два объявления: 1) уезжающие на праздники сл[ушательни]цы должны явиться к 15 января, не явившиеся и не представившие достаточных оснований будут считаться выбывшими с курсов, 2) тому же подвергнутся не внесшие плату за первое полугодие и не представившие достаточных объяснений. С.Ф. говорит, что из-за второго объявления на курсах буквально плачут: по случаю траура бала устроить нельзя, денег в кассе нет – как тут не плакать? И Раев велел еще гектографировать второе объявление и раздать всем неуплатившим. Это даже жестоко и главное – непонятно, зачем он это делает: С.Ф. думает, что, судя по форме объявлений, Раев всякие «объяснения» признает «достаточными» – в таком случае зачем огород городить? Очень, кажется, шероховатый человек Раев, несмотря на свое добродушие, и большой формалист.

11-го на курсах был чайный вечер и прощание выпускных с курсами. Было оживленно и мило. Вчера я была на Бетхов[енском] вечере (Есипова и Ауэр – играли превосходно).

31 декабря. Кончается старый год.ⁱⁱ В нем пришлось нам, особенно мне, перенести много тяжелых минут. Что-то принесет нам новый год? Вот наши *ria desideria*: 1) конечно, чтобы дети и все мы были здоровы, 2) чтобы нам удалось уйти из редакции «Журн[ала] Мин[истерства] нар[одного] пр[освещения]». До наступления нового года остался с небольшим час: я сижу за своим переводом о Канте и жду С.Ф., к[ото]рый весь день проводит в деревне у Шляпкина и должен вернуться домой только около 12 часов ночи.ⁱⁱⁱ

¹ Припев (*фр.*).

ⁱⁱ На левом поле напротив текста помета Наши мечты.

ⁱⁱⁱ На левом поле Ключевский и Милоков. Кривошеин. Государь в Ак[адемии] наук. Палладий и Победоносцев.